

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА ЕДИНОВЛАСТИЯ В РОМАНЕ
«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ» АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ**

Рассматривается трансформация мотива единовластия в антиутопии Аркадия и Бориса Стругацких «Обитаемый остров». Акцентируются устойчивые мотивные признаки через изменение художественного образа и сюжетные линии, которые прослеживаются посредством связи с каноническими антиутопическими текстами. Высказывается автором мысль, что Стругацкие усилили мотив единовластия, качественно изменив его перманентные признаки.

Ключевые слова: антиутопия, признаки жанра, мотив, художественный образ, сюжет.

Для антиутопии XX века характерно звучание специфических художественных мотивов, комбинирующихся в зависимости от степени близости к жанровому канону. Так, мотив навязанного счастья является обязательным для всех текстов: в отличие от утопических романов, антиутопия изображает не добровольное следование правилам, установленным большинством и учитывающим желание каждого члена общества, а насаждение этих правил небольшой группой людей. То же можно сказать и о другом отличительном признаке антиутопии – мотиве единовластия, который в разных произведениях антиутопического жанра проявляется специфически. В подавляющем большинстве текстов его можно проследить по трем позициям: трансформация образа правителя, создание оппозиции существующему режиму и эксперимент как усиление формы контроля над человеком.

Образ правителя в антиутопиях имеет устойчивую характеристику: подавление всего индивидуального, насаждение двоемыслия, ложь как основа института власти и политика страха. Квинтэссенцией тоталитарного режима в образе центрального сюжетного антигероя мы считаем образы Благодетеля («Мы» Е. Замятина), Большого Брата («1984» Д. Оруэлла), Главноуправителей («О, дивный новый мир» О. Хаксли) и Наполеона («Скотный двор» Д. Оруэлла).

Оппозиции существующему режиму в произведениях жанра антиутопии существуют как альтернатива власти правителей, но им свойственна имплицитность. Итогом их деятельности является подрыв авторитета государственной власти, однако стремление оппозиции к перевороту и свержению тоталитарного режима практически всегда заканчивается неудачей.

Эксперимент как целенаправленное вмешательство правителя и власти в жизнедеятельность населения призван нивелировать человека как личность. Для поддержания желаемого уровня регламентации выводятся новые способы и формы подавления, научные достижения становятся инструментом власти и проецируются на массы.

Таким образом, мы выяснили, что мотив единовластия имеет перманентные признаки, которые мы считаем каноническими по отношению к содержанию жанра ан-

* © Эверстов М.С., 2015

Эверстов Максим Сергеевич (magistr_magius@mail.ru), филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

тиутопий. Однако доминирующим, на наш взгляд, является образ правителя, в котором локализованы основные составляющие признаки тоталитарного государства.

Правители в антиутопиях представляются как довольно узкая каста, возглавляющая тоталитарный строй и ведущая борьбу с оппозицией. В предисловии к книге «Антиутопии XX века» Э. Геворкян называет их «поводыри» и определяет роль — они ведут народы к светлому будущему, «чтобы установить царствие небесное в отдельно взятой стране», причем мнение масс не учитывается [1, с. 8]. Образ правителя тоталитарного государства зиждется на ущемлении чужой воли, подавлении любого отклонения от нормы, причем саму норму определяет группа людей, которая возглавляет государство. Однако для придания своей власти иллюзии легитимности «поводыри» могут представить все в другом, выгодном для них свете. Право выбирать и отстаивать свою свободу «считается непосильным для маленького человека, ибо ничего, кроме мук (самых страшных — мук выбора), ему не приносит» [3, с. 53]. В интересах власти народу диктуется образ положительный, самоотверженно защищающий интересы этого народа, поэтому лицо единовластного «поводыря» непросто выделить на фоне огромного количества дезинформации, вываливающейся на жителя «идеальной страны».

Обозначив «поводыря» как синкретичный конструкт власти, выделим наиболее значимые образы правителей в фундаментальных антиутопиях прошлого столетия. В первой же антиутопии «Мы» Е. Замятина появился Благодетель — носитель качеств, которые в последующих произведениях-антиутопиях определялись как канонические. Такие инвариантные характеристики, как властность, уверенность в собственных силах и окружение верными людьми, — первые показатели «законной» формы правления Благодетеля. Их дополняют жесткая регламентация (Зеленая Стена, розовые билеты, Интеграл) и тотальный контроль (прозрачные дома, Хранители), а еще «маниакальная одержимость идеей власти... необычайная целеустремленность» [1, с. 8]. Окружение же Благодетеля — это Хранители, неустанно следящие за тем, чтобы власть лидера не подвергалась сомнению. Борясь с I-330 и прочими бунтарями из «номеров», Благодетель вводит эксперимент — научный способ очистить свою страну от инакомыслия: в финале герой становится первым, кто проходит принудительное выжигание фантазии.

Не менее смелый эксперимент в контексте мотива единовластия был произведен в «Дивном новом мире» О. Хаксли: генетическое разделение на касты еще более способствовало регламентации и возвышению «поводырей». В.П. Шестаков отмечает безусловное сходство этих двух романов и выводит общие элементы: это «техническая рационализация и бездумные удовольствия, отрицание семьи и полная сексуальная свобода» [2, с. 19]. Однако в романе прослеживается новая тенденция: образ правителя проецируется неагрессивный, эксперимент выдержал проверку, оставив всех несогласных в прошлом, об организованной оппозиции, в отличие от Единого Государства, беспокоиться не приходится. Между тем все же находятся несогласные, «индивидуальность которых развилась до того, что они стали непригодны к жизни в обществе», поэтому кроме кастового строя использованы два инструмента усиления власти: гипнопедия и наркотик «сома». В первом случае во время сна внушается ложь и подавляются желания («лучше новое купить, чем старое носить»), «сома» нужна для решения психологических проблем, в том числе проблемы выбора («сомы грамм — и нету драм»). Такая ситуация не устраивает лишь единицы, которые выбиваются из общего строя счастливых и ограниченных в своих желаниях людей — например, Бернард и Дикарь каждый по-своему бунтуют против системы, но не наносят никакого вреда.

Большой интерес как конструкт тоталитарной власти представляет для нас политический лидер из романа Д. Оруэлла «1984». Большой Брат не был показан автором:

он наблюдал через экраны, слушал отчеты доносчиков, реагировал посредством оперативных органов. Между тем его образ как единоличного правителя является одним из наиболее внушительных. Двоемыслие в Океании насаждается с помощью радио и неизменных лозунгов («незнание — это сила», «свобода — это рабство», «война — мир»). Внушение нормы и подавление критического взгляда обеспечивается Министерствами и Полицией Мысли («документы все до одного уничтожены или подделаны, все книги исправлены»). С оппозицией справляются жестко: преступников пытаются и заставляют любить Большого Брата, через это прошел главный герой, Уинстон Смит. В романе Оруэлла, где наглядно разоблачается образ правителя тоталитарного государства, мы встречаем самую жестокую форму борьбы с настоящими и «потенциальными» преступниками — она успешна настолько, что не нуждается в нововведениях и перевешивает любые научные открытия.

Дополняет галерею образов «поводырей» свинья по имени Наполеон из романа Д. Оруэлла «Скотный двор». Изображенный через призму аллегории, даже басни, он мечтает построить идеальное общество, но использует методы более бесхитростные, чем Благодетель. Круто расправляясь с врагами, Наполеон распространял ложь и влиял на массы через песни и речевки («четыре ноги хорошо, две — плохо»). Таким образом было создано двоемыслие, при котором реальные вещи не соответствуют распространяемой информации. Основным оружием свиней был страх: с помощью псов Наполеон обошел соперника на дебатах. Оппозиция быстро поняла, что стоит перед ними простой выбор: остаться на ферме или умереть. Экспериментом можно назвать попытку свиней мимикрировать и выглядеть как люди. Обманом и давлением партия добилась того, что все прочие животные с фермы беспрекословно слушались их.

Мотив единовластия имеет во всех названных антиутопиях схожие характеристики и не ослабевает по сравнению с «Мы» Е. Замятина. В этих произведениях выделяется «жесткая математическая модель логически — до мелочей — структурированного мира, превращение бытия в существование «простое, как мычание», а «я» в — «мы», и — что важно относительно вопроса использования инновационных открытий — «непредсказуемость последствий научно-технического прогресса» [4, с. 11].

В романе братьев Стругацких «Обитаемый остров» данный мотив под влиянием различных факторов претерпел характерные изменения. Страна Саракш, где люди лишены прав и подавлены военной машиной, отличается специфическим подходом к иерархии власти, который подается через образ Неизвестных Отцов, разделивших обязанности по принципу пирамиды. На вершине стоит Папа, который держит остальных в страхе и контролирует каждый шаг отвечающих за различные ведомства — Шурина, Тестя, Деверя и прочих. Следуя установке «разделяй и властвуй», Неизвестные Отцы не допускают никого до истинного положения дел.

Образ правителей в романе проецируется через узнавание реалий мира главным героем и редкие вставные эпизоды, описывающие дискурс Отцов, которые авторы выделяют из текста. Саму верхушку Неизвестных Отцов герой так и не встречает, но понимает влияние на народ: никто их не видел, не знает в лицо, но между тем поклоняются им как единственно возможным правителям.

Наводя страх гвардейцами, Папа подавляет и убеждает, что заботится о своих соотечественниках (идет программирование, что все несогласные с режимом — «выродки», опасные преступники и террористы). Люди под воздействием департамента пропаганды верят в защиту высоких идеалов и сами доносят на возможных врагов. По всем пунктам интересы верхушки тоталитарной власти ставятся выше интересов целого народа, как было и в предыдущих произведениях. Однако в случае с «Обитаемым островом» центр тяжести смещается на экспериментальную магистраль, связан-

ную с разделением людей на обычных и «сверхчувствительных», к которым относят и Отцов.

Стремясь влиять на народ и возвести власть в абсолют, Отцы берут на вооружение бесценное для единовластия изобретение: «не одурманивающие военные марши, не орды штурмовиков», а вышки гипноизлучения, «дьявольские волны, которые способны воздействовать на психику человека» [5, с. 276]. Главный герой был свидетелем того, как волны от этих вышек заставляли неистовствовать от счастья обычных людей («волна радости, гордости, счастья, горячая волна упоения преданностью захлестнула... сладостные минуты, когда хочешь огня и приказа») и мучиться так называемых «выродков» («сгорчился в углу от боли»). Замаскированные под башни противовоздушной обороны, эти идеальные инструменты власти выполняют сразу несколько ролей: это подавление активности людей; кроме того, они влияют на ценностные полюса, из-за чего люди верят избранной политике Неизвестных Отцов и ненавидят их врагов; к тому же это обнаружение «выродков», не согласных с режимом и способных представлять опасность. Поэтому во многом благодаря вышкам в стране выделяется искусственное разделение на касты: тех, на кого вышки действуют номинально, изменяя сознание, и тех, кто испытывает дискомфорт, но не теряет ясности ума. Построенные Неизвестными Отцами для защиты своей власти в контексте управления небольшой группой людей целым народом, вышки представляют невероятную ценность наравне с гипноизлучением О. Хаксли. Чтобы внедрить в разум людей мысль Благодетелю понадобился лазер, а Большому Брату – пытки. В случае Неизвестных Отцов мы видим беспрецедентную процедуру манипуляции без агрессивного вмешательства.

Особенной можно назвать структуру оппозиции. Излучение, распространяемое вышками, влияя на психику, отвергало идею любой власти, кроме Неизвестных Отцов. Все, кто встречался на пути героя, оказывались либо под влиянием вышек, «когда жаждешь, чтобы приказ швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов...», либо боролся («сейчас... выгодно нас травить, это отвлекает народ от внутренних проблем... Если бы нас не было, Отцы нас бы изобрели...»). Гвардия, куда был зачислен главный герой Максим, разбиралась с оппозиционерами, к которым с детства приучали относиться с презрением и жестокостью. Оппозиция была и в «Мы», и в «1984», однако в «Обитаемом острове» противостоящая власти группировка отличается в контексте мотива единовластия своими принципами, поставленной целью. Оценив роль вышек, они хотят свергнуть правителей только за тем, чтобы самим встать у власти. «Почему истинное назначение башен скрывают от рядовых подпольщиков? ...большинство в штабе надеется когда-нибудь захватить власть и использовать башни по-старому...».

Также нужно подчеркнуть роль нетипичного способа контролировать людей, навязывая им агрессивную манеру поведения. Встреченные главным героем горожане враждебно настроены ко всем, кто не понимает их порядков, у них с рождения воспитывалось жестокое отношение к «выродкам», которые не ощущали давления вышек, даже подпольщики полны ненависти и недоверия друг к другу. В контексте мотива единовластия Неизвестные Отцы видели теоретическую возможность изолировать инакомыслие в зародыше и практически реализовали это через вышки. Кроме прочего, усиливающееся влияние на обычных жителей превосходит все приемы Большого Брата и напоминает гипнопедию в «Дивном новом мире»: патриотизм и любовь к родине навязаны наукой. Правители, созданные Оруэллом, следовали принципу «ложь, сказанная сотню раз, становится правдой», насаждая свое видение мира через угрозы, плакаты, песни; Отцы поместили идею непосредственно в сознание: они защищают и оберегают, несогласные с ними – враги.

При этом, как и Благодетель, Папа и его приближенные стараются держать в руках все нити правления, контролировать все сферы жизни («Отцы никому не служат... они сами — деньги»). Герой от собратьев по подполью узнает о соперничестве: «они анонимны и все время жрут друг друга». При этом Неизвестные Отцы неразрывно связаны с «выродками», поскольку сами нередко чувствуют боль от вышек: «если бы она решалась, государственный прокурор не мучился от боли, как мы». Тонка грань между Отцами и «выродками»: находясь в опасном положении, последние быстро понимают всю структуру власти. Поэтому важно подчеркнуть, что противостояние Неизвестных Отцов и «выродков» задано самой природой их уникальностью, вхождением в амбивалентную касту «сверхлюдей».

От агрессии верхов агрессия переходит в народ. Выстраивая лестницу власти ради ужесточения контроля, Отцы не допускают тех, кто может пошатнуть само основание: революционеры хотят уничтожить режим, только чтобы занять его место, понимает герой. «Всегда найдется «Благодетель», готовый взять на себя это бремя в обмен на сладкий призрак блаженства, которым он готов щедро одарить... покорившегося ему слабого человека» [3, с. 53].

Таким образом, в романе «Обитаемый остров» мы можем говорить об изменениях в мотиве единовластия, связанных с трансформацией формально-содержательных компонентов поэтики романа, которые поддерживают жанровое содержание антиутопии. В первую очередь по авторскому замыслу усложняются характерные признаки правителя как вдохновителя и хранителя традиций тоталитарного режима. Образ Неизвестных Отцов как единоличных «поводырей» страны выделяется особенной функцией власти, так как градация осуществляется по принципу осведомленности, у вершины стоит Папа, дальше — все менее значимые личности, исполняющие его приказы. Прослеживается такая установка: чем больше охват власти — тем больше контроля. В отличие от других антиутопий, где правитель одинок, Стругацкие делят обязанности его на несколько человек, создавая власть — позиционирующих себя как всезнающих и понимающих Отцов, «добрых» и «справедливых» судей.

Второй признак трансформации мотива единовластия базируется на контрасте между оппозицией и Неизвестными Отцами: преследуя разные конечные цели, они сходятся в желании управлять народом. Отталкиваясь от признания незыблемости основных политических, социальных и экономических институтов общества, созданных Правителями, оппозиционеры хоть и расходятся с действующей властью в выборе путей и средств для реализации своих планов, но их деятельность находится в рамках сложившейся тоталитарной политической системы и не направлена на подрыв ее устоев. Конечная цель оппозиции в «Обитаемом острове» — это смена власти без каких-либо кардинальных изменений в государственном устройстве.

Наконец, изменяются на качественном уровне возможности, предоставляемые научным экспериментом: вышки гипноизлучения могут оказывать сильную манипуляцию без видимого вмешательства. Без сомнения, важное отличие Неизвестных Отцов от Большого Брата и Наполеона — это попытка влиять непосредственно на настроение людей, построить агрессивное, послушное общество, используя постоянное давление на разум. Но более инновационным изменением в мотиве единовластия в романе Стругацких «Обитаемый остров» можно считать амбивалентную полярность в отношениях Отцов и оппозиции. Изображенное автором соперничество, построенное на осведомленности относительно вышек, не находит своего выхода к финалу, и лишь главный герой понимает, что единственно верное решение — уничтожить все вышки.

Библиографический список

1. Антиутопии XX века. Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл / вступ. ст. Э. Геворкян. М.: Кн. Палата, 1989. 352 с.
2. Вечер в 2217 году / сост., авт. предисл. и коммент. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
3. Замятин Е.И. Мы. Анализ текста / авт.-сост. М.Г. Павловец, Т.В. Павловец. М.: Дрофа, 2005. 92 с.
4. Русская антиутопия: антология / сост. В. Перельмутер. М.: Б.С.Г.—Пресс, 2014. 636 с.
5. Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 354 с.

References

1. Anti-utopia of the XX century. Yevgeny Zamyatin, Aldous Huxley, George Orwell. Prolusion by E. Gevorkjan. M., Kn. palata, 1989, 352 p. [in Russian].
2. An evening in 2217. Compiler, author of the introduction and comments by V.P. Shestakov. M., Progress, 1990, 720 p. [in Russian].
3. Zamyatin Ye.I. We. Analysis of the text. Compiler M.G. Pavlovets, T.V. Pavlovets. M., Drofa, 2005, 92 p. [in Russian].
4. V. Perelmuter. Russian anti-utopia: Anthology. M., B.S.G.—Press, 2014, 636 p. [in Russian].
5. Revich V. Crossroad of utopia: Fate of fantastic fiction in a sign of fate of the country. M., Institut vostokovedeniia RAN, 1998, 354 p. [in Russian].

*M.S. Everstov**

TRANSFORMATION OF MONOCRACY MOTIVE IN THE NOVEL «THE INHABITED ISLAND» BY ARKADY AND BORIS STRUGATSKY

The present article considers transformation of monocracy motive in the anti-utopia novel «The Inhabited Island» by Arkady and Boris Strugatsky. Unalterable characteristics of the motive are being emphasized through the canvas observed over connection with canonical anti-utopia texts and alteration of the word-picture. The author of the article suggests that the Strugatsky brothers strengthen the motive of monocracy in the novel by major breakthrough of its permanent attributes.

Key words: anti-utopia, genre characteristics, motive, word-picture, plot.

Статья поступила в редакцию 10/VII/2015.

The article received 10/VII/2015.

* *Everstov Maksim Sergeevich* (magistr_magius@mail.ru), Philological Faculty, North–Eastern Federal University, 58, Belinsky Street, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russian Federation.